

## Глава 16

### Петр в Англии

В те времена, когда Петр путешествовал по Европе, самыми многолюдными ее городами были Лондон и Париж. В коммерческом отношении Лондон уступал только Амстердаму, а вскоре обогнал и его. Однако подлинная уникальность Лондона состояла в той главенствующей роли, которую он играл в жизни страны. Подобно Парижу, Лондон был столицей государства и резиденцией правительства; подобно Амстердаму, он представлял собой крупнейший порт страны, центр торговли, искусства и культуры. Но в Англии, по сравнению с огромной столицей, все остальное казалось ничтожным. Лондон с ближайшими пригородами насчитывал 750 000 жителей, а в Бристоле, следующем по величине английском городе, их было всего 30 000. Иначе говоря, каждый десятый англичанин был жителем Лондона, тогда как лишь один француз из сорока жил в Париже.

В 1698 году большая часть Лондона располагалась на северном берегу Темзы, между Тауэром и Парламентом. Главной магистралью города была Темза, с единственным переброшенным через нее Лондонским мостом. Река шириной в 750 футов протекала между болотистых берегов, густо поросших камышами. Кое-где попадались аккуратные садики и зеленые лужайки – каменные набережные появились позднее. Река играла в жизни города ключевую роль. На ней всегда теснились суда, ею охотно пользовались, чтобы попасть из одной части Лондона в другую. Благодаря услугам сотен перевозчиков-лодочников это был гораздо более быстрый, чистый и безопасный способ добраться до нужного места, чем пускаться в путь по запруженным улицам. Осенью и зимой от Темзы поднимался клубами страшный туман, который расползался по улицам, и все тонуло в густых, коричневых, ядовитых испарениях от смешения тумана с дымом, валившим из тысяч печных труб.

Во времена путешествия Петра Лондон был городом богатым, оживленным, грязным и опасным. Узкие переулки загромождали кучи мусора и помоев, которые можно было запросто вываливать из любого окна. Но и на главных улицах царил темнота и духота, потому что из-за жадности застройщиков, стремившихся как можно выгоднее использовать городские участки, верхние этажи домов выступали над нижними и нависали над улицей. По этим стигийским болотам пробирались, распикивая друг друга, лондонцы. Здесь случались гигантские уличные заторы. Непрерывные потоки карет и наемных экипажей избородили проезжую часть улиц глубокими колеями, так что из пассажиров просто душу вытряхивало, и нередко поездка заканчивалась тошнотой, синяками и ссадинами. Если в проулке встречались две кареты, начиналась яростная перебранка, причем оба кучера «награждали друг друга таким злобными прозвищами и свирепыми проклятиями, будто каждый задался целью первым попасть в ад». Для путешествий на короткие расстояния в моде были кресла-носилки, которые несли два дюжих молодца – это позволяло пассажиру избежать и грязи, и давки. Самыми внушительными из экипажей были почтовые кареты, съезжавшиеся в Лондон по большим дорогам, они доставляли провинциалов, жаждавших заняться торговыми делами или посмотреть столицу. Эти кареты останавливались у постоянных дворов, где усталые путешественники могли получить на обед капусту и пудинг, вестфальскую ветчину, курицу, говядину, вино, бараньи отбивные, голубей, а поутру позавтракать поджаренным хлебом с пивом.

Лондон не ведал жалости, и его грубые, жестокие развлечения действовали губительно на неокрепшие души. Женщины считались совершеннолетними с двенадцати лет (вплоть до 1885 года). Всюду царил преступность, и в некоторых районах города люди не могли уснуть из-за душераздирающих воплей: «Убивают!» Любимым зрелищем были публичные порки, а уж казни собирали несметные толпы. В дни казней празднично настроенные работники, лавочники и подмастерья бросали свои занятия и теснились на улицах с шутками и смехом, в надежде хоть одним глазом взглянуть на приговоренного. Богатые леди и джентльмены покупали места в окнах и на балконах, выходивших на дорогу от Ньюгейтской тюрьмы до Тайберна, где происходили казни, но самыми лучшими считались места на деревянных

помостах, которые затем и строили, чтобы ничто не мешало смотреть. Самой жуткой казни подвергали за государственную измену: предателя вешали, вздергивали на дыбу и четвертовали. Сначала его подвешивали за шею, едва не удушая насмерть, затем веревку перерезали, заживо вспарывали ему живот, отрубали голову, а потом туловище разрубали на четыре части.

Игры и забавы тоже поражали кровавостью. Толпы народа раскошеливались, чтобы увидеть, как медведей и быков травят сворой разъяренных мастиффов. Часто медведю подпиливали зубы, и загнанный в угол зверь мог лишь отбиваться от собак огромными лапами, а те подпрыгивали и рвали его зубами. Петушьи бои притягивали любителей азартных игр, и на специально тренированных птиц делались крупные ставки.

Но при всей грубости Лондон придавал большое значение и изяществу, красоте, культуре. Именно в эту эпоху величайший английский архитектор Кристофер Рен возвел здесь пятьдесят две новые приходские церкви на участках, опустошенных великим пожаром. Их тонкие блестящие шпили придали силуэту Лондона ни с чем не сравнимую красоту и завершенность, а главной доминантой стал шедевр Рена, гигантский купол собора Святого Павла. Его строили сорок один год и как раз накануне приезда Петра частично открыли для верующих.

Те же, кто был не чужд интеллектуальных интересов, группировались в сотнях лондонских кофеен, где разговор мог зайти обо всем на свете. Постепенно складывалась традиция беседовать в той или иной кофейне на определенные темы, касающиеся политики, религии, литературы, научных идей, коммерции, судоходства или сельского хозяйства. В зависимости от собственных склонностей посетитель выбирал, в какую кофейню направиться, входил, садился у огня, потягивал кофе и вбирал в себя всю палитру мнений, наслаждался блистательными, проникнутыми ученостью, страстными речами. Мастера беседы могли оттачивать здесь свое остроумие, литераторы делились друг с другом творческими трудностями, политики приходили к компромиссам, а одинокие люди просто отогревали душу. В кофейном заведении Ллойда берет начало морское страхование. У Вилла всегда находился стул для писателя и просветителя Джозефа Аддисона – зимой у огня, а летом возле окна.

\* \* \*

Таким был Лондон 1698 года. Что же касается остальной страны, то есть собственно Англии, то она в XVII столетии переживала превращение из маленького, довольно незначительного островного королевства, каким была в XVI веке при королеве Елизавете I, в великую европейскую державу и мировую империю XVIII и XIX веков. Когда в 1603 году умерла Елизавета и с ней пресеклась династия Тюдоров, Англия, к тому времени отразившая Филиппа II с его Непобедимой армадой, была уже свободна от посягательств Испании. Однако в делах Европы она по-прежнему оставалась на отшибе. Династическая проблема разрешилась, когда шотландский король Яков VI, сын Марии Стюарт, прибыл из Эдинбурга, чтобы взойти на английский престол под именем Якова I и положить начало столетнему правлению Стюартов. Всю первую половину XVII века Англию целиком занимали внутренние проблемы – она пыталась разобраться в путанице религиозных идей и в соотношении сил короны и парламента. Разногласия вылились в гражданскую войну, и второй из Стюартов, король Карл I, лишился головы, а Англией одиннадцать лет правила суровая рука лорда-протектора Оливера Кромвеля. И даже после реставрации монархии и воцарения на троне Карла II в 1660 году религиозные противоречия не утратили остроты. В стране усиливался раскол между католиками и протестантами, а внутри протестантского лагеря – между приверженцами Англиканской церкви и диссентерами, или нонконформистами.

И все же мощь Англии и ее амбиции возрастали. В середине XVII века на мировых торговых путях властвовали голландцы, но английские моряки и купцы рвались вступить с

ними в соперничество – три войны на море поколебали голландское превосходство. Позже, во время войны за Испанское наследство, Джон Черчилль, герцог Мальборо, одержал в бою четыре крупные победы над французскими войсками, осадил и взял считавшиеся неприступными, крепости и едва не выгнал Короля-Солнце из самого Версаля; правда, окончательную победу буквально вырвали у него из рук – английское правительство постановило прекратить войну. Тем не менее Англия восторжествовала, и не только над Францией, но и над собственной союзницей, Голландией. Длительная война истощила даже великолепно налаженное хозяйство богатых голландцев. Их положение было куда уязвимее, чем у островитян-англичан, и пока шли боевые действия, обширная заморская торговля Голландии резко сократилась, а английская тем временем расширялась и процветала. Соотношение сил двух держав, почти равных в XVII столетии, стремительно изменялось в восемнадцатом. Голландия быстро слабела и скоро скатилась до уровня малозначительного государства. Англия же вышла из войн под водительством герцога Мальборо владычицей океанов, а ее морская мощь позволила создать мировую империю с колониями по всему земному шару.

Визит Петра в Англию пришелся как раз на ключевой момент ее превращения в великую державу. Рисвикским миром завершилась первая большая война с Людовиком, в результате которой удалось сдержать Короля-Солнце в его прежних границах. Последняя схватка, война за Испанское наследство, должна была начаться еще через четыре года, а в Англии уже бурлили силы, благодаря которым герцог Мальборо впоследствии одерживал победы на суше, а королевский флот стал повелителем морей. По уровню доходов от торговли Англия пока еще не могла соперничать с плодородной Францией, но у нее имелось одно бесспорное преимущество – островное положение. Безопасность страны обеспечивалась не системой крепостей, наподобие той, что Голландия содержала в Испанских Нидерландах, а морскими волнами и флотом. И как ни дорого обходился флот, он все-таки был дешевле сухопутных войск и цитаделей. Да, Людовику удавалось ставить под ружье одну за другой великолепные французские армии, но при этом его народ изнемогал под непосильным бременем налогов. В Англии же утвержденные парламентом налоги были тяжелы, но не сокрушительны. Европа изумлялась жизнестойкости английской экономики и очевидному богатству британской казны. Конечно, это государство не могло не поразить прибывшего туда монарха, который задался целью поднять свой народ с его примитивным аграрным хозяйством на новый экономический уровень и ввести его в современный мир.

\* \* \*

Петр никогда не плавал на таком большом военном судне, как корабль флота его величества «Йорк», и пока длился суточный переход через Ла-Манш, с интересом наблюдал, как им управляют. Штормило, но царь оставался на палубе, непрерывно задавая вопросы. Несмотря на то что громадные волны швыряли корабль во все стороны, Петр настоял, чтобы ему разрешили взобраться на реи и осмотреть оснастку.

Ранним утром следующего дня маленькая эскадра приблизилась к берегам Суффолка, и береговые форты салютовали ей из пушек. В устье Темзы Петр и адмирал Митчелл перешли с «Йорка» на яхту поменьше под названием «Мэри». В сопровождении еще двух кораблей она отправилась вверх по Темзе и утром 11 января бросила якорь возле Лондонского моста. Здесь Петр пересел на королевскую барку, которая прошла на веслах еще выше по течению, к пристани на Странде. Его встретил камергер двора и приветствовал от имени короля Вильгельма. Петр отвечал по-голландски, а владевший голландским адмирал Митчелл выступал как переводчик. Петру очень понравился адмирал, поэтому он первым делом попросил короля, чтобы именно Митчелл был приставлен к нему для официального сопровождения и в качестве переводчика на все время пребывания в Англии.

Первые свои дни в Лондоне Петр прожил в доме 21 по улице Норфолк. По его настоянию дом выбрали маленький и скромный, с выходом прямо на берег реки. Через два

дня после приезда царя король нанес ему неофициальный визит. Он приехал в незаметном возке и застал царя одетым по-домашнему, в спальне, которую тот делил с четырьмя своими спутниками. Монархи начали беседовать, но вскоре Вильгельм почувствовал, что в крохотной комнатке слишком жарко и душно, – его астма напомнила о себе. Петр, едва приехав, сразу же, по московскому обыкновению, закрыл окно – в России из-за холода двойные рамы наглухо заделывают и не открывают с ранней осени до поздней весны. Борясь с удушьем, Вильгельм попросил распахнуть окно и полной грудью вдохнул чистый, холодный воздух, хлынувший в комнату.

23-го числа Петр с адмиралом Митчеллом и двумя русскими спутниками поехал в Кенсингтонский дворец, чтобы впервые нанести визит Вильгельму как королю Англии. Эта встреча оказалась продолжительнее их кратких бесед в Голландии или в тесной каморке Петра на улице Норфолк. Их никогда не связывала душевная дружба – слишком велика была пропасть между двадцатипятилетним царем, полным жизни, не особенно отесанным, привыкшим к неограниченной власти, и одиноким, усталым, печальным английским королем, – и все-таки Петр привлекал Вильгельма. Энергия и любознательность царя произвели на него яркое впечатление, и к тому же Вильгельм не мог скрыть, что ему приятно восхищение Петра его персоной и подвигами. Как политик, всю жизнь создававший межгосударственные союзы, он с удовлетворением увидел, что Петр исполнен враждебности к его давнишнему врагу, Людовику XIV. Что до Петра, он по-прежнему чтит своего голландского героя, невзирая на то что ни возраст, ни характер Вильгельма не располагали к дружественному сближению.

После разговора с королем Петра представили наследнице престола, тридцатитрехлетней принцессе Анне, которой через четыре года суждено было сменить Вильгельма у власти. По настоянию короля Петр остался на бал, хотя, чтобы сохранить инкогнито, лишь наблюдал за происходящим через окошко в стене бального зала. Его восхитило устройство ветрового прибора, установленного в галерее Кенсингтонского дворца. Прибор соединялся тягами с флюгером на крыше и указывал направление ветра. Позднее Петр установил такой же прибор в своем маленьком Летнем дворце у Невы, в Санкт-Петербурге.

Во время этой же встречи Вильгельм уговорил Петра позировать художнику Годфри Неллеру. Написанный им портрет, по отзывам современников, отличался необычайным сходством с оригиналом. Сегодня портрет висит в Королевской галерее того самого Кенсингтонского дворца, где три сотни лет назад шел разговор о его создании.

Вся официальная часть пребывания Петра в Лондоне свелась к этому единственному визиту в Кенсингтонский дворец. Упорно скрываясь под чужим именем, он странствовал по Лондону, сколько ему было угодно, нередко пешком, даже в холодные зимние дни. Как и в Голландии, он наведывался в мастерские и на фабрики, все время просил, чтобы ему показывали работу всяких приспособлений, и даже требовал чертежи и технические описания. Царь заглянул к часовщику купить карманные часы и застрял там, обучаясь разбирать, чинить и снова собирать замысловатый механизм. Ему понравилось, как сработаны английские гробы, и он велел отправить один в Москву в качестве образца. Он купил чучела крокодила и меч-рыбы – диковинных тварей, невиданных в России. Единственный раз Петр выбрался в лондонский театр, но толпа смотрела не столько на сцену, сколько на него, и ему пришлось спрятаться за своих спутников. Царь познакомился с конструктором яхты «Ройял трэнспорт», который для него строил король Вильгельм. К удивлению Петра, этот корабель оказался молодым человеком знатного рода и большим любителем выпить, так что он весьма пришелся царю по душе. Перегрин Осборн, маркиз Кармартен, был сыном знаменитого Денби, герцога Лидсского, министра Карла II. Он, как выяснилось, отличался поразительным мастерством не только по части выпивки, но был еще и прекрасным моряком, и талантливым конструктором. Именно благодаря Кармартену Петр познакомился со своим отныне любимым напитком – перцовкой. Эта пара так часто наведывалась в кабак на улице Грейт-Тауэр, что ее переименовали в Царскую улицу. В

компании Кармартена Петр познакомился с Летицией Кросс, самой известной из тогдашних актрис. Он отнесся к ней благосклонно, и актриса, почуяв, что тут можно рассчитывать на щедрое вознаграждение, перебралась к нему на все время царского визита в Англию.

Разумеется, самым привлекательным из лондонских зрелищ был для Петра лес корабельных мачт большой торговой гавани Пул, или «Лондонской заводи». Как-то раз Даниэль Дефо насчитал в ней ни много ни мало две тысячи судов. Петру не терпелось начать осваивать кораблестроение в доках и на верфях в низовьях Темзы, однако его намерения временно нарушил сковавший реку лед. Зима в 1698 году выдалась на редкость холодная. Река замерзла и выше Лондона, так что из Саутворка можно было пешком перейти на другой берег, в город. Уличные продавцы, фигляры и мальчишки сваливали в кучу товары, пожитки и резвились на льду; но, увы, передвигаться по воде стало невозможно, и осуществление царских планов задерживалось.

Ради большего удобства и спасения от толп, которые и здесь уже начинали ходить за ним по пятам, куда бы он ни направлялся, Петр переехал в Дептфорд и поселился в Сэйес-Корте – большом, изящно обставленном особняке, который предоставили ему английские власти. Дом принадлежал Джону Эвлину, автору знаменитых очерков и дневников, и был гордостью хозяина, который потратил 45 лет на то, чтобы разбить и вырастить прекрасный сад с лужайкой для игры в шары, с посыпанными гравием дорожками, с живописными рощицами. Чтобы освободить место для Петра и его спутников, пришлось попросить выехать из дома не только хозяина, но и его жильца адмирала Бенбоу, а все помещения заново отделать. Петра в этом доме устраивали его вместительность, позволявшая ему и всей его свите жить под одной крышей, сад, где можно было отдыхать вдали от любопытных глаз, и калитка в конце сада, выходившая прямо на верфь и реку.

На беду Эвлина, для русских ничего не значило ни то, что он был почтенным и известным человеком, ни то, что он всю жизнь трудился над прекрасным садом. Они разнесли его дом вдребезги. Еще пока они там жили, до смерти перепуганный домоправитель писал своему хозяину: «Дом полон людей, к тому же совершенно отвратительных. Царь спит рядом с библиотекой и обедает в гостиной возле Вашего кабинета. Он ест в десять часов утра и в шесть вечера, редко-редко проводит целый день дома, а чаще – на Королевской верфи или на реке, одетый как попало. Сегодня здесь ожидают короля. Лучшая гостиная вычищена, чтобы его можно было принять. Король оплачивает все расходы царя».

Но истинные масштабы бедствия предстали перед Эвлином лишь тогда, когда через три месяца русские уехали и он увидел, что осталось от его прекрасного дома. Потрясенный хозяин поспешил к королевскому контролеру сэру Кристоферу Рену и к королевскому садовнику мистеру Лондону с просьбой оценить размеры ущерба. Они обнаружили, что полы и ковры в доме до того перемазаны чернилами и засалены, что надо их менять. Из голландских печей вынуты изразцы, из дверей выломаны медные замки, краска на стенах испорчена или изгажена. Окна перебиты, а больше пятидесяти стульев – то есть все, сколько было в доме, – просто исчезли, возможно, в печках. Перины, простыни и пологи над кроватями изодраны так, будто их терзали дикие звери. Двадцать картин и портретов продырявлены: они, судя по всему, служили мишенями для стрельбы. От сада ничего не осталось. Лужайку так вытоптали и разворотили, будто «на ней маршировал целый полк в железных сапогах».

Восхитительную живую изгородь длиной в четыреста футов, высотой девять и шириной пять сровняли с землей. Лужайка, посыпанные гравием дорожки, кусты, деревья – все погибло. Соседи рассказали, что русские нашли три тачки (приспособление, тогда еще в России неизвестное) и придумали игру: одного человека, иногда самого царя, сажали в тачку, а другой, разогнавшись, катил его прямо на изгородь. Реи и его сопровождающие все это записали и составили представление, по которому Эвлину в возмещение убытков выплатили невероятную по тем временам сумму – 350 фунтов и девять пенсов.

Нет ничего удивительного в том, что в век религиозной борьбы дух протестантского миссионерства разыграл при появлении любознательного молодого монарха, намеревавшегося внедрять в своем отсталом царстве западную технологию. Если кто-то перенимает новые приемы кораблестроения, почему бы ему не перенять и новую веру? Слухи о том, что Петр не слишком привержен православию и интересуется другими вероисповеданиями, пробудили самые смелые надежды в головах воинствующих протестантов. Нельзя ли обратить в новую веру юного монарха, а через него и весь его простодушный народ? Нельзя ли, по крайней мере, создать унию Англиканской и Православной церквей? Этой идеей загорелся архиепископ Кентерберийский, и даже король Вильгельм к ней прислушивался. По воле короля и архиепископа один из ведущих представителей духовенства Англии, епископ Солсберийский Джилберт Вернет, отправился к царю, «чтобы предоставить ему все сведения о нашей религии и церковных установлениях, какие он пожелает получить».

15 февраля Петр принял Бернета с делегацией англиканских священников. Вернет понравился царю, они встречались затем несколько раз и беседовали часами, но епископ, чьей задачей было наставлять и убеждать Петра, нашел, что шансы обращения царя в новую веру равны нулю. Он был лишь первым из множества русских, чей интерес к заимствованию западных технологий наивные европейцы расценили как возможность заодно экспортировать западную философию и идеи. Между тем интерес Петра к протестантизму носил характер чисто познавательный. Царь, настроенный скептически в отношении любой религии, не исключая и православия, искал в ритуале и догматах каждой веры то, что могло оказаться полезным для него или его государства. После бесед с царем Вернет отвез его к архиепископу Кентерберийскому в Ламбетский дворец. Петр отказался посетить службы в соборе Святого Павла, собиравшие толпы народа, но принял причастие по англиканскому обряду в собственной часовне архиепископа перед завтраком, за которым они долго обсуждали различные вопросы.

Много лет спустя после возвращения царя в Россию Вернет записал свои воспоминания о молодом высокорослом российском монархе, с которым они когда-то увлеченно и доверительно беседовали: «Я часто посещал его и получил приказ и от короля, и от архиепископа, и от епископов уделять ему как можно больше внимания. У меня были хорошие переводчики, так что я мог подолгу свободно с ним разговаривать. Он человек очень горячего и вспыльчивого нрава, наделенный крайне грубыми страстями. Природную свою горячность он усугублял тем, что в больших дозах пил бренди, который собственноручно и с огромным усердием очищал. Он подвержен конвульсиям во всем теле, и похоже, что они сказываются и на его голове. Способностей ему не занимать, и знаний у него гораздо больше, чем можно ожидать при его образовании, которое было весьма посредственно. Недостаток рассудительности и непостоянство характера слишком часто и заметно проявляются у него. Он увлекается механикой, и кажется, что он создан природой скорее затем, чтобы стать корабельным плотником, чем великим правителем. Овладение этим ремеслом и являлось главным его занятием, пока он здесь находился. Он немало поработал собственными руками и заставлял всех окружающих трудиться над моделями кораблей. Он мне рассказывал, как задумал построить большой флот в Азове и с ним нанести удар Османской империи; казалось, однако, что он не способен осуществить такой великий замысел, хотя его образ действий во всех войнах, которые он вел с тех пор, свидетельствует о большей одаренности, чем представлялось мне тогда. Он хотел понять суть нашего вероучения, но не проявлял склонности к улучшению [церковных] дел в Московии; впрочем, он твердо вознамерился поощрять образование и просвещать свой народ, посылая некоторых подданных в другие страны, а также зазывать иностранцев приезжать и жить среди русских. По-видимому, его все еще тревожили козни сестры. В его натуре смешались пылкость и суровость. Он решителен, но мало смыслил в военном деле и в этом отношении пытливости

не проявляет. После того как мне довелось часто с ним встречаться и много беседовать, я мог лишь молча склониться перед глубиною божественного Провидения, вознесшего такого необузданного человека к безграничному всевластию над столь огромной частью света».

Интерес Петра к церковным делам не ограничивался рамками государственной Англиканской церкви. Слухи о его заинтересованном отношении к вопросам религии внушили разным протестантским сектам, как фанатическим, так и обладающим известной веротерпимостью, надежду на то, что они сумеют обрести в его лице если не брата по вере, то хотя бы сторонника. Реформисты, экстремисты, филантропы и просто шарлатаны пробивались к царю в расчете с его помощью внедрить именно свои верования в подвластной ему далекой стране. Почти ни на кого из них Петр не обращал ни малейшего внимания, но квакеры произвели на него большое впечатление. Он посетил несколько квакерских молитвенных собраний и в конце концов познакомился с Вильямом Пенном, которому Карл II передал во владение громадную колонию, Пенсильванию, на том условии, что он простит короне гигантский заем. Пенн пока только два года посвятил своему «праведному эксперименту» на землях Нового Света, где создавал царство веротерпимости, и сейчас, во время петровского визита, как раз собирался вновь отплыть туда. Услышав о том, что Петр побывал на квакерском богослужении, Пенн 3 апреля отправился в Дептфорд повидаться с царем. Они оба говорили по-голландски, и Пенн преподнес Петру несколько своих сочинений на этом языке. После встречи с Пенном Петр продолжал бывать на собраниях квакеров в Дептфорде. Он изо всех сил вслушивался в слова богослужения, вставал, садился, соблюдал долгие паузы и все время оглядывался вокруг – посмотреть, что делают другие. Через шестнадцать лет, в северогерманской провинции Голштиния (Гольштейн), он набрел на молитвенный дом квакеров и зашел на службу вместе с Меншиковым, Долгоруким и другими. Никто из русских, кроме Петра, ни слова не понял, но они сидели тихо, а царь время от времени наклонялся к ним и переводил. После окончания службы Петр заявил своим товарищам, что всякий, кто сумеет в своей жизни следовать такому учению, обретет счастье.

В те же самые недели, когда Петр беседовал с прелатами английской церкви, он заключил одну сделку, которой, как он хорошо знал, суждено было опечалить сердца его собственного, православного духовенства. Православная церковь издавна возбраняла употребление «богопротивного зелья» – табака. В 1634 году дед Петра царь Михаил запретил курение или любое другое применение табака под страхом смерти. Потом наказание ослабили, и нарушившим запрет всего лишь вырывали ноздри. И тем не менее с притоком иноземцев в Россию эта привычка распространялась, а наказывали за нее не часто. Царь Алексей даже на короткое время разрешил табак, введя государственную монополию на торговлю им. Но церковь и все русские приверженцы старины по-прежнему сурово осуждали курение. Петр, разумеется, этим осуждением пренебрегал. Он пристрастился к табаку еще в юности; каждый вечер царя видели с длинной глиняной трубкой в дружеской компании немцев и голландцев в Немецкой слободе. Перед отъездом из России с Великим посольством Петр издал указ, разрешавший и продажу, и курение табака.

В Англии, колонии которой охватывали такие знаменитые области разведения табака, как Мэриленд, Вирджиния и Северная Каролина, неожиданная перспектива приобрести новый обширный рынок сбыта многих взбудоражила. Табачные торговцы уже обращались к королю с просьбой ходатайствовать за них перед царем. Оказалось, что особенно заинтересован в этой сделке не кто иной, как Кармартен, новый приятель Петра, и ему же вполне с руки ее заключить. Когда Кармартен принес царю предложение от группы английских купцов по поводу табачной монополии в России, оно сразу привлекло внимание царя. Во-первых, он рассматривал курение как западный обычай, широкое внедрение которого поможет ослабить железную хватку Православной церкви. А во-вторых, предложение обещало и более ощутимую выгоду: оно сулило немедленное поступление денег. К этому времени Петр и его посольство отчаянно нуждались в средствах. Расходы на содержание за границей двух с половиной сотен русских были чудовищны, не спасали и

субсидии принимающей стороны. К тому же представители царя нанимали в Голландии матросов, морских офицеров, корабельных мастеров и других специалистов. Им всем надо было оплатить первоначальный подписной взнос, первую выплату в счет жалования и дорожные расходы. Кроме того, царские агенты приобретали такое множество товаров, инструментов, машин и моделей, что пришлось зафрахтовать десять кораблей для доставки этого груза и набранных людей в Россию. Казна посольства то и дело пустела, и оно непрерывно требовало присылки очередных громадных сумм из Москвы. Однако денег все равно не хватало. В этой ситуации предложение Кармартена показалось Петру неотразимо соблазнительным. Тот предлагал заплатить 28 000 английских фунтов стерлингов за разрешение ввезти в Россию беспощинно полтора миллиона фунтов табака и торговать им на российском рынке безо всяких ограничений. А главное, Кармартен готов был выдать аванс наличными прямо в Лондоне. Контракт подписали 16 апреля 1698 года. О том, насколько Петр был доволен, можно судить по ответу Лефорта на пришедшее от царя ликующее известие: «По указу твою грамоту не отпирали, докамест 3 кубка великие выпили, а после читали и 3 раза еще пили... Воистину, по-моему, дело доброе»<sup>63</sup>.

Если Петр не работал на верфи, то носился по Лондону и его окрестностям, стараясь повидать все достопримечательности. Он побывал в Гринвичском военно-морском госпитале, воздвигнутом Кристофером Реном и уже тогда известном как «одно из самых грандиозных сооружений английской архитектуры». Петру понравилось простое жилище Вильгельма III – Кенсингтонский дворец красного кирпича, отделанный дубовыми панелями, – но великолепный госпиталь, двумя рядами колонн выходивший на Темзу, его просто покорила. Обедая с королем после посещения Гринвича, царь не удержался и сказал: «Если бы ваше величество спросили моего мнения, я бы посоветовал перевести ваш двор в госпиталь, а больных – во дворец». Петр видел гробницы английских королей (а заодно и шатающихся рядом торговцев яблоками и устрицами) в Вестминстерском аббатстве. Он побывал в Виндзорском замке и в Хэмптон-Корте, но королевские дворцы были ему не так интересны, как действующие научные или военные учреждения. В Гринвичской обсерватории он беседовал о математике с королевским астрономом. В Вулиджском арсенале, главном пушечно-литейном заводе Англии, Петр обрел родственную душу в магистре Ромни, который разделял его увлечение стрельбой и фейерверками. В лондонском Тауэре тогда размещался арсенал, зверинец, музей и королевский монетный двор. При посещении музея средневекового оружия Петру, однако, не стали показывать топор, которым за пятьдесят лет до этого отрубили голову Карлу I. Хозяева вспомнили, что отец их гостя, царь Алексей, услышав о том, что англичане обезглавили своего монарха, в гнев лишил английских купцов в России всех привилегий. Поэтому они на всякий случай спрятали топор подальше, «словно боясь, как бы он [Петр] не выбросил его в Темзу». Самой интересной частью Тауэра оказался для Петра монетный двор. Царь, пораженный качеством английской монеты и техникой чеканки, снова и снова туда возвращался. (К сожалению, смотритель монетного двора, сэр Исаак Ньютон, тогда жил и работал в Тринити-колледже в Кембриджском университете.) Петра очень заинтересовала реформа английской монеты, проведенная Ньютоном и Джоном Локком. Чтобы предупредить постоянную порчу монет из-за злонамеренного обрезывания ценного металла, гурт, или ребро, английских монет стали обрабатывать насечкой. Через два года, приступив к наведению порядка в расстроенном российском монетном деле, Петр взял за образец английскую чеканку.

Все время, пока он был в Англии, Петр неутомимо отыскивал специалистов для службы в России. При помощи Кармартена, содействовавшего его поискам, он провел собеседования со множеством людей и уговорил в общей сложности примерно шестьдесят англичан. Среди них были майор Леонард ван дер Штамм, старший корабельный плотник из Дептфорда, капитан Джон Перри, инженер-гидравлик, которому Петр поручил сооружение

---

<sup>63</sup> Неизвестно, кто ошибается – автор или его информатор, Грей. Письмо Лефорта не относилось к истории с контрактом. Оно датировано более ранним временем, 11 марта 1698 года. – *Примеч. ред.*

Волго-Донского канала, и профессор Генри Фарварсон, математик из Абердинского университета в Шотландии, будущий основатель Школы математических и навигацких наук в Москве. Кроме того, как писал Петр одному из друзей в России, он нанял двух цирюльников «на предмет будущих надобностей» – в этом намеке слышится грозное предостережение тем москвитам, кто гордился своими длинными бородами.

\* \* \*

Расположение Петра к Вильгельму и его благодарность возросли еще больше, когда ему 2 марта вручили королевский дар – яхту «Ройял трэнспорт». Он вышел на ней в плавание на следующий же день и в дальнейшем делал это при каждом удобном случае. Сверх того, Вильгельм распорядился, чтобы Петру показывали все, что интересует его в английском флоте. Апофеозом же стало приглашение присутствовать на специальном смотре флота и наблюдать учебный морской бой у мыса Спитхед вблизи острова Уайт. Военно-морская эскадра, включавшая суда «Ройял Вильям», «Виктори» и «Ассосиэйшн» приняла Петра и его свиту на борт в Портсмуте и вышла в пролив Солент у острова Уайт. Там Петр перешел на флагман адмирала Митчелла «Хамбер». В день учений флот снялся с якоря; большие корабли поставили паруса и построились в боевом порядке. Рывкнули бортовые залпы, суда окутались дымом и пламенем, совершенно как в настоящем бою, только что ядра не летели. И все равно Петр ликовал, глядя сквозь дым, как корабли перестраиваются и дружно разворачиваются, чтобы атаковать друг друга. Он старался рассмотреть и записать все: как матросы ловко ставят паруса, какие команды отдают рулевым, сколько на кораблях пушек, какого они калибра и как из них стреляют, как сигналият с флагмана судам на линии. Это был важный день для молодого человека, который всего десять лет назад впервые увидел парусную лодку и научился ходить галсами вверх и вниз по узкой Язуе. Когда корабли ночью вернулись в свою гавань, прозвучал салют сразу из двадцати одной пушки, а моряки проревели приветствия в честь молодого царя, мечтавшего поднять свой собственный флаг в авангарде российской флотилии.

Вильгельм пригласил его и в парламент. Не желая, чтобы на него глазели, Петр избрал своим наблюдательным пунктом окошко верхней галереи и оттуда созерцал короля на троне в окружении английских пэров, восседавших на скамьях. Этот эпизод вызвал шутку какого-то неизвестного очевидца, обошедшую весь Лондон: «Сегодня я видел редчайшее зрелище на свете: одного монарха на троне, а другого на крыше».

Петр прослушал дебаты при помощи переводчика, после чего объявил своим русским спутникам, что, хотя считает неприемлемым ограничение монаршей власти парламентами, все-таки «весело услышать, когда подданные открыто говорят своему государю правду; вот чему надо учиться у англичан!». На том заседании, где присутствовал Петр, Вильгельм давал формальную королевскую санкцию нескольким биллям, в том числе и биллю о поземельном налоге, который должен был, по предварительным оценкам, принести казне полтора миллиона фунтов. Когда Петр выразил удивление тем, что парламент может собрать так много денег, проведя один-единственный законопроект, ему сказали, что годом раньше парламент принял билль, давший в три раза больше.

Чем ближе к концу подходило пребывание Петра в Лондоне, тем больше к нему здесь привыкали. Имперский посол Хоффман писал своему повелителю в Вену: «Здесь двор весьма доволен Петром, потому что теперь он не так нелюдим, как в начале. Его упрекают лишь в некоторой скупости, ибо щедрости он ни в коей мере не проявил. Он все время здесь проходил в матросской одежде. Посмотрим, в каком наряде он предстанет перед Вашим Императорским Величеством. Он очень редко виделся с королем, так как не желал изменять свой образ жизни, при котором он обедает в одиннадцать часов утра, ужинает в семь вечера, рано ложится спать и встает в четыре часа, чем крайне изумляет тех англичан, которые водят с ним компанию. Говорят, будто он намерен цивилизовать своих подданных на манер других народов. Но из всего его поведения здесь можно лишь заключить, что он собирается сделать из них матросов».

Донесение посла было задумано как последняя срочная сводка для императора, так как ожидалось, что Петр вот-вот отбудет в Голландию, а следующей остановкой в его путешествии значилась Вена. Но отъезд царя откладывался со дня на день. Он прибыл сюда лишь с кратким визитом, однако оказалось, что ему нужно так много увидеть и сделать, и не только на дептфордской верфи, но и в Вулидже, и на монетном дворе, что он без конца переносил день отъезда. Это вызывало беспокойство тех участников Великого посольства, которые оставались в Амстердаме. Их тревожило не только где находится царь и что он намеревается предпринять; из Вены сообщили, что австрийский император вот-вот заключит сепаратный мир с общим врагом Австрии и России – турками. Поскольку официальная цель Великого посольства состояла в укреплении антитурецкого союза, весть о грозящем ему распаде не могла обрадовать русских. Когда эти новости достигли Петра и он ощутил усиливающееся давление обстоятельств, ему пришлось нехотя согласиться на отъезд.

18 апреля Петр нанес королю прощальный визит. Их отношения несколько остыли после того, как Петру стало известно, что Вильгельм приложил руку к предстоящему заключению мира между австрийским императором и султаном. Конечно, Вильгельму всего важнее было помочь империи Габсбургов выпутаться из войны на Балканах, чтобы затем обратить ее силы против единственного врага, который имел значение для Вильгельма, – Франции. И тем не менее последняя их встреча в Кенсингтонском дворце была дружественной. Царь раздал 120 гиней королевской челяди, что, по мнению одного очевидца, «было больше, чем они заслуживали, так как они вели себя с ним очень нагло». Адмиралу Митчеллу, который его сопровождал и был при нем переводчиком, Петр преподнес сорок соболей и шесть кусков узорчатого шелка – щедрый подарок. Тогда же Петр якобы вынул из кармана маленький сверток в коричневой бумаге и вручил его королю в знак дружбы и признательности. Говорят, развернув его, Вильгельм обнаружил великолепный неограненный алмаз. По другой версии, это был огромный необработанный рубин, достойный «увенчать корону Британской империи».

2 мая Петр скрепя сердце покинул Лондон. Он в последний раз наведлся в Тауэр и на монетный двор в самый день отъезда, пока его свита ждала на борту «Ройял трэнспорт», а когда яхта пошла вниз по реке, Петр велел остановиться и бросить якорь в Вулидже, чтобы еще раз сойти на берег и проститься с Ромни в арсенале. Вновь подняв паруса, «Ройял трэнспорт» в сумерки достиг Грейвсенда, и там царь опять велел стать на якорь. Наутро, сопровождаемый Кармартеном, который шел на собственной яхте «Перегрин», Петр направился в военно-морской порт Чатем. Там, перейдя на «Перегрин», царь сделал круг по гавани и с восхищением глядел на пришвартованные огромные трехпалубные линейные корабли. Вместе с Кармартеном он поднялся на три военных корабля – «Британию», «Триумф», и «Ассосиэйшн», а потом их отвезли в шлюпке на берег, чтобы осмотреть военно-морские склады.

Следующим утром «Ройял трэнспорт» поднял якорь и вышел в Маргейт, где Темза вливается в море. Тут его встретила военно-морская эскадра под командованием старого знакомого, адмирала Митчелла, которой предстояло проводить царя в Голландию. Переход был бурный, – на вкус большинства русских, на борту острых ощущений могло бы быть и поменьше, но Петр наслаждался видом волн, с шипением захлестывавших палубу<sup>64</sup>.

---

<sup>64</sup> Увы, Петру больше не довелось выйти в море на этой прекрасной английской яхте. В Амстердаме ее нагрузили собранием инструментов и редкостей, которые Петр купил за время путешествия, и отправили в Архангельск. Там ее по приказу Петра встречал Франц Тиммерман, которому было велено провести ее по сети рек и озер Северной России в Ярославль и оттуда вниз по Волге. Петр надеялся, что когда-нибудь, когда достроят Волго-Донский канал, удастся спустить ее по Дону в Азов и выйти на ней в Черное море. Но осадка «Ройял трэнспорт» достигала восьми футов, и Тиммерман не дошел на ней даже до Волги. Яхта вернулась в Архангельск и простояла там пятнадцать лет. В 1715 году, когда Россия стала морской державой на Балтике, Петр приказал переоборудовать ее и привести к нему в Балтийское море, обогнув мыс Нордкап. Она достигла Балтики, но у шведского берега попала в шторм и погибла.

Петр никогда больше не ездил в Англию, но навсегда сохранил о ней самые приятные воспоминания. Там ему многое пришлось по сердцу: отсутствие церемоний, деятельный и умелый монарх и правительство, добрая выпивка и добрая беседа – про корабли, пушки, фейерверки. С Вильгельмом они не сблизились, но король распахнул для Петра все двери, открыл доступ на верфи, на монетный двор, на литейные заводы, продемонстрировал свой флот, позволил русским беседовать с кем угодно и делать записи. Петр преисполнился признательности и увез в душе глубочайшее уважение не только к английскому кораблестроению и мастерству, но и к острову в целом. Однажды в России он сказал Перри, что «если бы не побывал в Англии, то, конечно, был бы растяпой». Более того, продолжал Перри, «Его Величество часто заявлял своим боярам, когда бывал слегка навеселе, что, по его мнению, куда лучше быть адмиралом в Англии, чем царем в России». «Англия, – говаривал Петр, – самый лучший и прекрасный остров в мире».